Автор: admin
25.06.2010 05:49 - Обновлено 02.10.2010 22:40

Описание деловых отношений Максима Горького и Драйзера от Веры Стратиевской

Максим Горький - Драйзер

- Только не говорите мне, что партнёры здесь "оценивают друг друга по волевой сенсорике", он её колошматит по логике, она его по этике - мне это скучно! И всё это видно из схемы, - сходу предупреждает Читатель. - *Объясните на примере, как это происходит, можете?*
- Могу. И пример как раз тем удобен, что вписывается в схему "отцы и дети", а для данной диады это имеет особое значение.

1. МАКСИМ - ДРАЙЗЕР: УСИЛИЯ И ПЛОДЫ ВОСПИТАНИЯ

Отец - жёсткий и педантичный Максим, девочка - Драйзер, запуганный, забитый ребёнок.

Девочке было девять лет, когда она обнаружила, что отец читает её личные дневники и письма к подругам, даже не делая из этого особой тайны. Однажды он открыто потребовал, чтобы дочка отдала ему письмо "на проверку" прежде, чем оно будет отправлено. Вскрыл уже запечатанный конверт, (рассердился, что письмо запечатали, не показав ему), покритиковал девочку за стилистику, за орфографические ошибки, но, в общем, письмо "пропустил", только потребовал, чтобы оно было грамотно переписано. Дочка переписывать письмо отказалась. Заявила, что вообще писем писать не будет, если её личная переписка подвергается такой цензуре. А отцу ответила: "Ты не имеешь права читать мои письма, я же твои не читаю!" Папаша, недолго думая, достал ремень, уложил дочку на своё родительское колено и отходил как следует. На какое - то время послушание было восстановлено, а потом опять "сбой": девочка (теперь ей уже одиннадцать лет) приходит из школы с опозданием. Объясняет: подружка затащила её на репетицию драмкружка (хотела открыть в ней пока ещё никем не признанный талант), там она и задержалась до позднего вечера, а родителей предупредить не смогла (дома нет телефона), передавать сообщение было не с кем. Отец сразу же: "Чтобы больше ты с этой девочкой не дружила! Я тебе запрещаю!" А ребёнок опять: " Какое ты имеешь право указывать, с кем мне дружить, а с кем не дружить? Я же тебе не указываю!". "Так что же, я не могу сказать, с кем тебе дружить?" - возмущается папа. "Не можешь!" - заявляет девочка. - " Я же тебе не указываю!". И опять родитель достаёт ремень, и начинает процесс воспитания...

У наблюдательного читателя должно быть уже возник вопрос: а где была мать этой девочки всё это время? Как она относится к таким воспитательным мерам? Какова доля её участия в этом процессе?

Мать девочки - по психотипу ИЭЭ, Гексли, находилась в очень сложных отношениях конфликта со своим мужем (ЛСИ). Страдала от его постоянного недоверия, контроля,

придирок, упрёков и использовала любую возможность, чтобы доказать мужу свою лояльность. Дочь ЭСИ, Драйзер - подконтрольная по межличностным отношениям и подревизная по интертипным, - была для этого самым подходящим объектом.

При всех условиях, всегда и во всём, безоговорочно и не вдаваясь в детали, она принимала сторону мужа.

Одновременно с этим (в сложившихся условиях тотального деспотизма и в рамках системы ценностей своего ТИМа) она постоянно подавляла в дочери волю к сопротивлению. Упрекала дочь за строптивый нрав, беседовала о любви к ближнему, уговаривала не обижаться на отца, простить и войти в его положение: понять, что он желает ей добра, любит её, забоится и беспокоится о ней, После каждой порки давала дочери установку на умиротворение, заставляя её примириться с отцом и всем происходящим в доме.

Как врач (общего профиля) по профессии, она владела некоторыми навыками гипноза. Профессиональные знания и способности совмещались в ней со свойствами и способностями ТИМа, которые по совокупности всех качеств и свойств действовали угнетающе на всех членов семьи, обостряли конфликт, усугубляли взаимное недопонимание, накаляли и нагнетали обстановку в семье, подспудно накапливая и не позволяя выйти наружу огромному количеству неразрешённых проблем. Попытка поверхностно "залечить" внешние проявления конфликта привела к тому, что все эти "воспалительные" процессы стали протекать в скрытой форме и самыми крайними и виновными во всех дрязгах родителей (как и всегда во всех конфликтных семьях) оказывались дети - эта девочка и её младший брат.

Свою дочь - подревизную ЭСИ, в которой ей ещё виделась и потенциальная соперница в семье (слишком много времени отец занимался её воспитанием, и слишком мало внимания "из - за этого" уделял жене), - она изводила постоянными придирками и считала её виновницей всех раздоров и скандалов в семье. Один раз даже попыталась выгнать её из дома: отвела в магазин, приказала ей там стоять и никуда не уходить, а сама ушла, собираясь объявить мужу, что дочь потерялась. Но потом спохватилась: вспомнила, что девочка знает домашний адрес и вернулась за ней, - а дочери тогда не было ещё и четырёх лет! Несколько раз девочка и сама уходила из дома (вместе с младшим братом, который в этом мероприятии всегда вызывался её сопровождать), но потом, когда она видела, что он уставал, что ему такие испытания не по плечу, они возвращались домой и никому о своих "путешествиях" не рассказывали - это был их секрет. Несколько раз сбегали и уходили далеко от дома, но родители, увлечённые взаимным дрязгами и разборками ни разу не заметили их слишком долгого отсутствия.

Но в тот злополучный день, когда дочь до девяти часов вечера не возвращалась домой, отец забеспокоился и забил тревогу. Когда дочь появилась мать первая подступила к ней с упрёками: "Ну, как так можно! Мы уже не знали, что и думать! Отец волнуется! Иди, поговори с ним!.." Потом ей устроили допрос с пристрастием, потом была экзекуция и этот запрет дружить с девочкой, которая затащила её на репетицию драмкружка. Потом стали выспрашивать подробности: действительно ли она ходила в

драмкружок, или была где - то в другом месте. А дальше отца осенила идея, пойти к той подружке и выспросить, так ли всё было на самом деле. Подружка (ИЭЭ, Гексли) испугавшись возможных неприятностей, стала свою вину отрицать: дескать, Нина сама виновата, сама потащилась за ней на репетицию в клуб, никто её силой не затаскивал! И сама сидела там до темна, хотя никто её не заставлял; пальто у неё никто не отбирал и в шкаф вместе с портфелем не запирал: она могла уйти в любое время. Вернувшись домой, отец всыпал дочери дополнительную порцию… А потом изложил ей "истинную версию" происшедшего, в которой не было ни одного слова правды. (Но этим убедил её, что был не так уж неправ, когда запрещал ей дружить с этой девочкой.) На следующий день, в школе, подружка первая подбежала к ней и извинилась: объяснила, что испугалась, когда к ним в дом пришёл её отец и не хотела огорчать своих родителей. Нина (Драйзер) всё поняла и подружку простила. Она знала, каким страшным в гневе бывает её отец и решила, что и вправду не стоит переносить свою беду на чужую голову: свои проблемы надо решать самой.

2."ВАРИАЦИИ В ГОТИЧЕСКОМ СТИЛЕ …"

Отца она тоже простила - это была не самая большая обида, которую ей довелось к тому времени от него претерпеть. Он успешно разыгрывал (по нормативной, ролевой этике отношений +б.э.3) роль строгого, но справедливого и любящего отца, но скрывал под этой маской, свои истинные чувства к дочери, которую воспитывал как беспредельно покорную его воле рабыню.

Как крайне необходимую ему в доме "вещь" он её оберегал от "вредных" и дурных влияний, дорожил ею, боялся её потерять. Боялся, что она выйдет из под- его контроля, из повиновения. Боялся любой её инициативы, любой самостоятельности, , которая всё чаще проявлялась в ней по мере взросления. И как всякий домашний деспот боялся её своеволия.

Хотя жена-Гексли, воздействуя своими умиротворительными акциями на строптивую и непокорную дочь, старалась его успокоить и предупредить его страхи. После каждой экзекуции она регулярно и методично проводила с дочерью примирительные беседы на тему любви к ближнему, учила покорности, послушанию, заставляла смиряться и прощать отцу его жестокость.

Демонстрируя, таким образом, полную солидарность с позицией мужа, всемерно доказывая ему, что целиком и полностью поддерживает, находится на его стороне и разделяет, его взгляды на воспитание, она также поставила дочь в положение "девочки для битья" ("жертвы многоразового использования"). Используя её как буфер в своих отношениях с мужем, прикрываясь ею как щитом, она позволяя ему срывать на ней всё своё раздражение, которого в отношениях конфликта по любому поводу накапливается всегда очень много. Муж постоянно пользовался этой возможностью и отыгрывался на дочери по полной программе: вымещал на ней всё то недовольство, которое доставляли ему семейные неурядицы, мстил ей за все те проблемы, которые в его отношениях с женой- конфликтёром нарастали как снежный ком, "ломал" строптивый характер дочери, "выбивал из неё дурные наклонности" , чтобы она ни в

коей мере не стала похожей на его жену. (Которую он теперь постоянно уличал в лжи, неумеренном кокетстве, своенравии, беспринципности и неуёмном желании им манипулировать, что его также бесило). После каждой порки (а были периоды, когда они проходили ежедневно по поводу и без повода), мать умиротворяла девочку, психологически подготавливая её к очередной экзекуции, к новым жертва и новым уступкам: уговаривала смириться, поступиться своей гордыней и ни в чём не перечить отцу: "Не надо ему перечить: ты же видишь, как это его раздражает! Надо быть послушной и терпеливой. Надо уступать! Отец тебя любит, он желает тебе добра! - говорила она монотонным бесцветным голосом. - Он хочет, чтобы ты стала доброй и послушной девочкой." Отец присутствовал при всём этом, но это ни в коей мере не приглушало его страхов по нескольким причинам:

* по естественному био - антропологическому инстинкту деспотичного иерарха - "доминанта" (семьи, клана, "стаи"), опасающегося естественной, обоснованной и ожидаемой мести своего "субдоминанта"[1] - подрастающего потенциального соперника, будущего своего вытеснителя из семейной иерархии, социального конкурента, каким сейчас и представлялась ему его девочка, затаившая обиду, внутренне непокорная, внешне уступчивая "жертва", уступающая его деспотизму, как бы он ни его ни ужесточал.

---

[1]В природе многие виды приматов организуют свои семьи по принципу иерархии. Во главе иерархии стоит "доминант", который и управляет семьё с различной степенью жестокости. Причём, старшим и подрастающим детям, - потенциальным соперникам и конкурентам, -"субдоминантам", впоследствии захватывающим власть и вытесняющим его из семьи "в благодарность за всё хорошее", - истязаний достаётся больше, чем младшим отпрыскам, которых доминант до - поры до времени щадит , рассчитывая в дальнейшем на их защиту и сочувствие в тот период, когда он сам одряхлеет и не сможет за себя постоять. Эта же модель иерархической организации семейных отношений встроена патриархальные, домостроевские порядки, основанные на деспотизме и жестоком подавлении воли всех домочадцев.

*Будучи ориентирован на упрямого, взрывоопасного бунтаря Гамлета, не позволяющего себе проигрывать и вытеснять себя из системы и очень ярко выражающего своё эмоциональное своё отношение к любой попытке его унизить, низвести до положения раба, Максим не понимал беспредельной покорности и уступчивости своей дочери. Он боялся (и не без оснований), что дочь, когда вырастет, ему отомстит. В её покорность он не верил, по глазам видел, что она его осуждает и тем больше боялся её противоестественной, в этих условиях, скрытности и послушания. Не понимал, почему она не кричит, не бунтует, не сопротивляется, когда её беспредельно унижают? Почему берёт на себя навязанную ей (испытания ради) вздорную, надуманную вину? Ответ находился только один: она либо скрытничает и только притворяется покорной - то есть лжёт и лицемерит, "обманывает папу", что само по себе ужасно. Либо, действительно, -

слаба, безвольна, неспособна постоять за себя, а значит и не готова к трудностям, к испытаниям будущей взрослой жизни, не сможет выживать в этом мире и всегда будет "виноватой" у всех. В любом коллективе будет играть роль безропотной "жертвы", роль козла отпущения… - она пропадёт!

И отец решил выбивать из неё покорность ремнём, попытался ужесточить несправедливость, озлобить дочь и спровоцировать бунт. А мать, со своей стороны, продолжала её умиротворять, воспитывая в ней готовность жертвовать собой ради других. По - прежнему заставляя её извиняться перед всеми и брать чужую вину на себя. ("Но я же не виновата ни в чём!" - возмущалась девочка. "Ну и что! А ты пойти и извинись! - наставляла мать. - Надо быть выше обид!.." Она подавляла возмущение и раздражение дочери, угнетая её всё больше и больше, заставляла её говорить тихо, вполголоса -на пониженных тонах, строго выговаривала ей за каждую резкость, вспыльчивость, за каждый выплеск эмоций. (Оберегала душевный покой своего мужа - Максима так, как если бы это был её дуал Габен. Дочь от неё только и слышала: "Держи себя в руках. Будь выше этого!")

Девочка, таким образом, оказалась между двух антагонистичных полюсов конфликтных отношений её родителей: в эпицентре противоборства "весёлой" (гиперэмоциональной) второй квадры и "серьёзной" (гипоэмоциональной) четвёртой. Все остальные противоречия двух ортогональных квадр - тоже сошлись на ней. Можно сказать: она оказалась на острие двух клинков в их поединке, которые пересекались опять же на ней, и ей больше всех доставалось в этой драке, с обеих сторон. Все точки конфликта сходились на ней, она оказалась и "крайней" и "вечно виноватой" во всех пунктах их преткновений, - абсолютным "козлом отпущения", "жертвенной овцой многоразового пользования", которую "убивали" по многу раз, но всегда не до смерти: оставляли в живых, снова приводили в чувство и снова подставляли под удар, снова приносили в жертву.

Мать, на своей линии фронта, действовала намного успешнее, чем отец. Используя всевозможные способы и средства давления на дочь - и врождённые, и приобретённые, - она постепенно перестраивая её с врождённой этики отношений Драйзера (-б.э.1)на этику отношений Достоевского (+б.э.) и, таким образом, воспитывала для Максима ещё одного конфликтёра, внешне покорного и абсолютно беспомощного и ещё одну "жертву" - новую ипостась старой формы. (Поскольку защитных свойств, присущих этике Достоевского, у Драйзера нет, не было и не будет (для этого надо менять всю модель напрочь - и, значит, доводить человека до кардинальной ломки модели со всеми последующими осложнениями и психическими расстройствами.

3. КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

Во всех случаях, эта перестройка (пусть даже под поверхностную "демо - версию" чуждой ей этики) была очень болезненной для девочки и привела к некоторой неадекватности её реакций, которая опять же настораживала обоих родителей. Но даже в этих условиях девочка пожелала разобраться в методах воспитания. И однажды потребовала у отца объяснений: по какому праву он её лупит ремнём? - разве нет

других способов на неё воздействовать? Разве она до такой степени неисправима, что они другого метода для неё не находят? (Хотя они уже все способы испробовали: и запреты, и бойкоты, и ограничения… Совмещали и кнут, и пряник, и кнут без пряника, и пряник без кнута, она всё равно оставалась для них "строптивой", непонятливой и "непонятной"…)

Но вопрос был задан, и отец на него ответил. Он ей сказал так: "Ты знаешь, как закаляют сталь? Накаляют металл до красна, а потом бросают в холодную воду. Потом опять накаляют и опять бросают. И так - много раз. Пока не получится твёрдая и прочная сталь. Я поэтому тебя так и воспитываю - закаляю в испытаниях, чтобы ты была смелой и выносливой! Ты мне ещё потом спасибо скажешь!" (Её отец был инженером по образованию, выпускником технологического института. И работал в каком - то индустриальном ведомстве - воспитывал, как умел, как его самого воспитывал в патриархальной семье его отец (тоже Максим), как обучали в институте, как воспитывали по-спартански жестоко и беспощадно в советском обществе, распевая по радио и телевиденью: "Закаляйся, как сталь!"

Вот он её и закалял, чтобы выковать из неё послушного человека -робота (послушного, да не очень: иногда ему хотелось, чтобы этот "робот" бунтовал, жаловался на боль, протестовал и возражал, - чтобы он (отец) тоже мог ориентироваться в мыслях, чувствах и ощущениях дочери. Чтобы мог их контролировать, знать, когда и как на них реагировать. Чтобы иметь возможность технологически подойти к процессу воспитания и управления ею, ему необходимо было знать все её "точки кипения" и "точки плавления".

Одна беда: пока он её закалял, как сталь (как оружие, как меч), мать воздействовала на неё в противоположном направлении и по - прежнему продолжала воспитывать из неё "жертвенную овечку". Отца это страшно раздражало: ситуация казалась ему непонятной и противоестественной. И он изливал своё раздражение на мать и дочь тем яростней, чем больше они его умиротворяли - чем ещё больше усугубляли и обостряли его страхи по интуиции потенциальных возможностей, его Т.Н.С.(-ч.и.4) .

4. ЦЕНА УСТУПКИ

Уступай, да знай меру! - натравливать упрямого мужа - конфликтёра на свою уступчивую дочь было чрезвычайно опасно для всех: опасно для мужа, который почувствовал себя участником игры без правил на каком - то непонятном и непредсказуемом поле битвы, где все участники оказываются какими - то неестественно выносливыми и терпеливыми, - эмоционально непробиваемыми и несокрушимыми, как призраки, а у него возникало ощущение, что он воюет с тенями, или ловит руками воздух. Это было опасно для психики девочки, от которой дома ежесекундно требовали запредельной уступчивости, разрушительной для её ЭГО - программы, все ориентиры которой были теперь уже размыты, а все пределы принципиальной уступчивости - давно превышены: для неё уже стало нормой брать на себя чужую вину. Случалось, что она по нескольку дней кряду приходила в школу (в ноябре, осенью) в домашних

тапочках, потому, что родителям, увлечённым своими разборками было недосуг купить ей новые башмаки. Родители запрещали ей морочить им голову такими пустяками, и она, объясняясь с учителями, брала их вину на себя: говорила, что опаздывала в школу и в спешке забыла переодеть домашнюю обувь на уличную. Учителям надоело это терпеть и они вызвали в школу маму девочки, которая тут же подтвердила её версию: обувь у девочки есть, но она по рассеянности забывает её переодеть. А возвращаясь со школы, она тут же купила дочери сапоги, но запретила отцу рассказывать об этом происшествии, "чтобы его не огорчать".)

Опасно было и самой жене - Гексли играть в эти игры, постоянной ложью и приспособленчеством подменять рациональную, материальную реальность - иррациональной и ирреальной. Искажая то, что есть и придумывая то, чего нет, она заставляла мужа уходить всё дальше и дальше в химерический мир преувеличенных страхов и надуманных, фальшивых иллюзий.

Все эти мнимо - реальные образы и химеры, заполнившие мир этой семьи, вся эта ложь, внешне скреплявшая, а по сути разъедающая их отношения, - вся эта фантасмагория только обостряла конфликт, нагнетая страхи по интуиции возможностей - мобилизационной функции Максима (-ч.и.4) и Драйзера (+ч.и.4) - двух главных действующих лиц этой семейной драмы, которые, прямо или косвенно стали жертвами интуитивного произвола ИЭЭ (Гексли), которая до такой степени наполнила весь дом "туманом" и химерами, что все окончательно потерялись в этой семье: заврались, замучились страхами и ограничениями, перестали доверять друг другу.

Максим чувствовал, что теряет контроль над ситуацией и стал ужесточать меры волевого давления, ощущая нарастающую враждебность в поведении дочери, волю к сопротивлению которой всё труднее удавалось подавлять экзекуциями и сдерживать душеспасительными беседами. Девочка очень рано перестала уважать обоих родителей, перестала их любить, перестала им доверять. Она возненавидела отца за деспотизм (больше всего её возмущало то, что он улыбался когда бил её, она видела, что ему это доставляет удовольствие). И не могла уважать мать за её двуличие, за постоянное предательство и подставы. Но вслух высказывать свои претензии, осуждать родителей, критиковать их поведение ей категорически запрещалось. Мать била её по щекам всякий раз, когда она возмущалась: "Почему ты меня не защищаешь? Почему ты ему позволяешь так со мной обращаться?!"

Через какое - то время ситуация неожиданно разрядилась. Конфликт перешёл в более активную фазу. И однажды (девочке тогда было тринадцать лет), когда она ещё не пришла со школы, а родители уже были дома (это была суббота), отцу захотелось выместить на ком - то своё раздражение, а дочери под рукой не было. Отец стал провоцировать ссору, начал ругаться с женой, придравшись к какому-то несоответствию (в то время она его уже постоянно обманывала и до такой степени путала реальность с вымыслом, что у него уже не хватало сил это терпеть). Он рассвирепел и (впервые за все четырнадцать лет их совместной жизни) набросился на жену с кулаками. Девочка приходит из школы и видит эту ужасную сцену: отец гоняется по квартире за матерью, настигает её и… И тут дочка встревает между родителями и

виснет на руке отца.

Отец замахивается на неё кулаком... “И такая тут злость на меня накатила!” - вспоминает Нина Ф. впоследствии, - “Одной рукой я вцепилась ему в шею, а другой в волосы. И так трясла его, пока нас не растащили. И - странно, после этого он как - то сразу вдруг подобрел. Стал улыбаться, и во всём мне угождать, и даже как будто юлить, и заискивать... Ну, потом нас ещё пару раз с ним разнимали... Потом я уже знала, как с ним поступать: чуть только он в драку, - я сразу же подлетаю и… Он кричит. Я его трясу и не отпускаю, пока он не подобреет и не начнёт улыбаться. После таких трёпок он стал себя мирно вести. Теперь уже он меня побаивался. Но потом мама опять затеяла "игру в поддавки", и всё усложнилось… Она опять начала принимать его сторону и всякий раз, когда мне приходилось его "успокаивать", она хватала меня за руки, заламывала их назад и так удерживала меня, пока он снова не переходил в нападение: получалось, что она меня подставляет…"

Как видим, девочка в этой семье недолго выступала защитницей. Мать (как представитель квадры аристократов) не могла позволить дочери доминировать - это ломало её собственные представления о семье как о иерархической системе, в которой младшие подчиняются старшим, а не наоборот. Поэтому очень скоро она начала нападать на свою защитницу в тот момент, когда та заслоняла её собой от разъярённого мужа: она заламывала дочери руки и подставляла её под побои, позволяя мужу изливать свой гнев в полную силу. После чего опять же проводила с ней примирительные и умиротворительные беседы заканчивающиеся назиданием: "надо быть добрее, надо уметь прощать".

Но и эти регулярные жертвы особой пользы не принесли. Конфликт между мужем и женой получил некоторую отсрочку во времени, но со временем вся эта "игра в поддавки" (в "жертвоприношение дочери") стала мужа раздражать нестерпимо и он возненавидел жену ещё больше. (Хотя бы потому, что она гасила скандалы, которые он провоцировал, нуждаясь в эмоциональной суггестии - в очень важном для него сигнале искренней эмоциональной реакции на происходящее (по квестимной этики эмоций +ч.э. - программной функции Гамлета), которую он этими скандалами пытался высечь из наблюдательной этики эмоций Драйзера (-ч.э.7), контролирующей его действия с позиций эмоциональной этичности, но не получал даже этого.

Конфликт родителей (Максима и Гексли) достиг своего апогея и, выбрав время, когда дети спали (то есть, дочь не могла защитить свою мать), муж совершил вооружённое нападение на жену (набросился на неё с ножом). Разбуженные её криками дети бросились на помощь. Сын (младший брат) попытался оттащить мать от отца, а дочь, теперь уже, четырнадцатилетняя девочка, Драйзер, - пошла на отца тараном и, увернувшись от удара ножа, мобилизовав всю свою силу, оттолкнула отца в сторону, а затем, преодолевая его (вооружённое!) сопротивление, пробилась к входной двери и впустила в квартиру соседей, которые уже звонили в дверь, привлечённые криками и шумом…

В экстремальной ситуации решительный волевой сенсорик - Драйзер остаётся верен

своей программе, какие бы его ни умиротворяли, какие бы средствами ни угнетали его психику, стараясь подавить его волю и сломить его сопротивление злу.

5.ДРАЙЗЕРА УМИРОТВОРЯТЬ - ТОЛЬКО ПОРТИТЬ!

Все попытки умиротворить Драйзера в конечном счёте оборачиваются против того, кто умиротворяет. Драйзер - воин. Его творческая волевая сенсорика - воинственная функция, в обязанности которой входит борьба с деспотизмом во всех его проявлениях (культовым, авторитарным и тоталитарным), как с тёмным пережитком прошлого, мешающим наступлению эры миролюбивых и гармоничных этических отношений в обществе, построенных на демократичных началах.

Понятно, что к таким высоким целям без боя не подойти: жизненное пространство для будущего гуманистического общества инволюционно приходится перестраивать на новую - этическую (правовую и правоохранительную) основу, - нравственный кодекс инволюционной этики отношений Драйзера, - разделительные и запретительные заповеди, разделяющие понятия добра и зла; и запрещающие добру примиряться со злом.

Болезненные ломки деспотичных "старых режимов", основанных на авторитарных и культовых анахронизмах тоталитарных обществ, не даются без боя. А Драйзер не из тех, кто отступает в бою и поворачивается к врагу спиной. Маленькую девочку ещё можно уговорить быть покорной и кроткой, прощать людям зло и брать на себя их вину. Но опять же, дифференцирующая (разделительная и запретительная) программа Драйзера этих тезисов не принимает. Не позволяет ни смешивать, ни размывать понятия добра и зла. И чёткую линию светораздела между этими понятиями, ни стирать, ни приглушать, не позволяет. Равно как не позволяет "напускать туману" на оба эти понятия, выводить их на полутона, стирать различия между ними. В системе ценностей Драйзер вина человека определяется по факту его злодеяния чётко и определённо по всем пунктам обвинения в соответствии с нравственным кодексом его программы, основное положение которой гласит: "Не делай человеку того, чего не желаешь для себя". (Потом это конечно перейдёт в примирительную и несколько размытую (в смысле границ) заповедь этики четвёртой квадры: "Возлюби ближнего, как самого себя", - предоставляющую больше степеней свободы выбора и допускающую больше вариантов и градаций меры любви и отношений к ближнему в зависимости от своей завышенной, или заниженной самооценки, собственного мироощущения и соотношения себя с другими.)

Чёткая и разделительная этика отношений Драйзера, не позволяет оправдывать дурные поступки благими намереньями. (Так, и выше описываемом примере: девочку не убеждали. умиротворительные доводы, потворствующие насилию ("Мы желаем тебе добра, ты должна уметь прощать…") - её этическая программа - равно справедливая и демократичная этика отношений, жёстко разделяющая понятия добра и зла, по факту совершённого поступка, - не позволяла делать исключения даже для близких людей.)

У этически неподкупного Драйзера (а в силу своей инволюционной миссии он обязан

быть неподкупен) все провинившиеся - все, чья вина доказана очевидным, свершившимся фактом, которому лично сам он, Драйзер, был свидетель (а тут ещё и пострадавший) - все идут по одному разряду, - все записываются в злодеи, независимо от степени родства. И то, что Драйзер продолжает любить их (как близких людей), потому что не любить не может, - вины с них не снимает, а только усиливает боль и обиду. Потому, что программная этика отношений запрещает Драйзеру зло прощать, как бы ни был ему близок и дорог тот, кто это зло причинил и заставляет, в силу своих дифференцирующих, инволюционных свойств, жёстко отделять добро от зла и противостоять злу, бороться со злом, не позволяя ему восторжествовать.

Если нет возможности со злом бороться здесь и сейчас, Драйзер, следуя требованиям своей целевой, программной функции - инволюционной этики отношений, обязан не только ненавидеть зло во всех его появлениях, он обязан изживать это зло, обязан бороться с ним "на местах", следуя своей тактической, локальной, решительной этико - сенсорной программе. Драйзер обязан изживать патриархальный деспотизм во всех его появлениях, рассматривая его как пережиток тёмного прошлого, как опасный анахронизм, как откровенное злодейство и издевательство над слабыми и зависимыми, которому нет и не должно быть места ни в настоящем ни в будущем. Драйзер ненавидит рабскую покорность дельта - интуитов (Гексли и Достоевского) перед домашними деспотами, которых они задабривают, принося в жертву наиболее покорных и доверчивых из своих близких, тех, кого усмирить, умиротворить и подставить под ненасытный волевой произвол, убеждая их "помириться, покаяться, довериться его воле, сдаться на его милость, признать его правоту и свою вину…" (" Даже если ты прав, а он нет - всё равно ты должен пойти и помириться с ним: он твой отец, он тебе добра желает, ты не должен на него сердиться, надо уметь прощать…")

Драйзер - рациональный волевой сенсорик. И в своём решении, в своём окончательном выводе ориентируется на чёткие экологические и сенсорные представления о том, что хорошо, и что плохо. (Как бы его ни пытались увести от них в сторону, как бы ни пытались его "заморочить" мнимо - реальными оправданиями, отсылая его на поиски доказательств невиновности виноватого по интуиции возможностей, запуская в лабиринт интуитивных предположений: "А может быть он потому так поступил, что плохо себя чувствовал…", "а может он был в плохом настроении…", "а может он сам был на что - то обижен…" - вины с человека не снимают и обвинения от него не отводят.)

Разделительная этика отношений Драйзера - одна является его путеводной нитью в этом лабиринте Пока он вне всякого снисхождения способен различать добро и зло, отделять (опираясь на элементарные этико - сенсорные понятия) хорошее от плохого, никто его не собьёт с пути, не заморочит и не запутает. Главное - не терять различий между очевидными истинами: прикрываться ребёнком, как щитом - плохо! Приносить его в жертву семейному произволу - очень плохо! Срывать на нём гнев, раздражение, делать его козлом отпущения, заставлять его страдать за чужую вину - хуже не придумаешь!) И никакие отговорки (типа: "Это делается для его же пользы, из благих побуждений…" и т.д. и т. п.) не должны уводить в сторону от системы ценностей и координат его ТИМа.

Чёткий светораздел между добром и злом, чёткое следование заповедям своей разделительно - запретительной программы - "ДОБРО ПРОТИВ ЗЛА" - единственный верный и точный ориентир Драйзера, который всегда и при любых условиях должен оставаться воином Армагеддона.

Источник

Обсудить на форуме